

УДК 321.01/02

Егоров В. Г., Рекк Д. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

КЛАНЫ В АКТУАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Авторский ракурс исследования клановой организации постсоветских стран Центральной Азии сосредоточен вокруг идентификации традиционных институтов, их актуализации в современном политическом процессе и вариантах их социально-политической эволюции.

Процедура и методы. Авторы предлагают расширенное понимание сущности клановой организации, распространяющей консолидирующие направления лояльности как по горизонтали в пределах кровнородственных сообществ, так и по вертикали, воспроизводящей иерархию связей от элитных верхов до рядовых участников объединений. Используются методы контент-анализа, вторичного анализа социологических данных, событийного анализа.

Результаты. Основными факторами, актуализирующими клановую организацию в социально-политическом процессе постсоветских стран Азии, являются рост общественного движения, самосознания и общественное разочарование в попытке воспроизводства западной модели общественного развития.

Практическая значимость заключается в сохранении актуальности феномена кланов в социально-политическом процессе республик постсоветской Центральной Азии. Авторы приходят к выводу о том, что противоречия с элитной верхушкой, порождаемые традиционным вектором эволюции кланов, неизбежно инициируют «регионализацию» кланов, их консолидацию вокруг повестки, замыкающуюся на местных проблемах. Такой «разворот» клановых сообществ может иметь деструктивные последствия, в том числе потенциально ведущие к сецессии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

постсоветское пространство, Центральная Азия, кланы, социально-политический процесс, регионализация, конкуренция элит, фрагментация

СТРУКТУРА

Введение

Сущностные качества Центральноазиатских кланов

Кланы и актуальный центральноазиатский политический процесс

Направления социально-политической мобильности центрально-азиатских кланов

Выводы

V. Egorov, D. Rekk

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoi, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

CLANS IN THE CURRENT POLITICAL PROCESS OF THE POST-SOVIET COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

ABSTRACT

Aim. The author's perspective of the study of the clan organization of Central Asia post-Soviet countries is focused on the identification of traditional institutions, their actualization in the modern political process and their socio-political evolution variants.

Methodology. The authors offer an expanded understanding of the essence of a clan organization, in which consolidating loyalty is directed both horizontally within consanguineous communities, and vertically, reproducing the hierarchy of ties from the elite top to ordinary members of associations. Methods of content analysis, secondary analysis of sociological data, event analysis were used

Results. The main factors that actualize the clan organization in the socio-political process in Asian post-Soviet countries are the growth of social movement, self-awareness and public disappointment in an attempt to reproduce the Western model of social development.

Research implications. The study confirms preservation of the relevance of the clan phenomenon in the socio-political process of the republics of post-Soviet Central Asia. The authors come to the conclusion that the contradictions with the elite, generated by the traditional vector of the evolution of clans, inevitably initiate the "regionalization" of clans, their consolidation around the agenda, which is focused on local problems. Such a "reversal" of clan communities can have destructive consequences, including potential trend to secession.

KEYWORDS

post-Soviet space, Central Asia, clans, socio-political process, regionalization, competition of elites, fragmentation

ВВЕДЕНИЕ

Политический процесс и клановая организация постсоветской Центральной Азии, являвшиеся объектом пристального внимания политологов в 1990-е гг. и начале 2000-х гг., постепенно уходят из круга наиболее востребованной исследовательской проблематики. Такая метаморфоза связана с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, после революционных коллизий начала 1990-х гг. прошлого века политический процесс новых независимых государств приобрёл относительную стабильность и больше не привлекает исследователей, предпочитающих в качестве предмета своего анализа «острые» сюжеты.

Во-вторых, публичное политическое пространство постсоветской Азии, как и глобальный политический ландшафт, превратился в элитную «территорию», не доступную описанию учёных.

В-третьих, политологи, тратившие массу интеллектуальных усилий на аргументацию либерально-демократической перспективы общественного

развития новых независимых государств вынуждены признать её неадекватность постсоветской политической реальности. Описываемая политологами, принадлежащими к этой плеяде, клановая организация представлялась исключительно со знаком «минус» как рудимент, переживший советский период и доставшийся социально-политическому процессу бывших союзных республик в качестве контрпродуктивного наследства, подлежащего искоренению. Однако общественная практика дала основание по-новому оценить место и роль традиционных институтов в современном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии. Очевидно, что, обретая новые сущностные качества, азиатские кланы становятся актуальным социально-политическим феноменом.

О роли неформальных институтов, в том числе кланов в Центральной Азии, казахстанский политолог Данияр Ашимбаев пишет таким образом: «Для всех среднеазиатских республик характерен симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит – землячество, кумовство, родство, связи по школьной парте, контакты в рамках делового партнёрства. Такова характерная особенность азиатских стран постсоветского пространства: какая бы политическая модель ни была зафиксирована в правовых актах, существует крайне устойчивая традиционная, неформальная система взаимоотношений между элитами. При этом президент в республике должен заботиться не только о своей семейно-родственной группе, но и выступать в качестве верховного арбитра для всех остальных кланов, позиционируя себя “отцом нации”» [2, с. 59].

В связи с особой значимостью клановой системы для центральноазиатского политического процесса её исследование является целью настоящей статьи. При этом авторский ракурс исследования проблемы сконцентрирован вокруг идентификации традиционных институтов, их актуализации в современном политическом процессе и вариантах их социально-политической эволюции. Следует заметить, что клановая организация, инкорпорируемая в политический процесс, способна активно влиять на выбор социальной перспективы развития новых независимых государств. В этой связи детального научного анализа заслуживает проблема определения факторов, обуславливающих устойчивость и жизнеспособность кланов.

СУЩНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ КЛАНОВ

Современная клановая организация Центральной Азии значительно отличается от традиционной, уходящей корнями в глубокое прошлое. Модернизация кланов в значительной мере изменила их облик и целеполагание. Структура современных неформальных сообществ вертикально иерархизирована. В основании клановой «пирамиды» располагаются «большие семьи», объединённые по горизонтали кровнородственными, племенными и земляческими отношениями. Обязательным атрибутом «первой ступени»

иерархии, интегрирующей простых «общинников», членов патриархальных коллективов, являются местные лидеры из числа наиболее уважаемых знатных представителей рода, напоминающих «патеров» прежних традиционных кровнородственных объединений. Нередко таковыми в наше время становятся религиозные авторитеты, объединяющие умму.

Первая или нижняя ступень клановой иерархии в наибольшей степени ангажирована традиционными ценностями: справедливость, почитание старших, нормы ислама и т. д.

Верхний уровень иерархии клановой вертикали занимают выходцы из родовых коллективов, продвинувшиеся в государственной службе благодаря поддержке знатных родственников и занимающие место связующего звена между рядовыми родственниками и клановой верхушкой.

Как правило, верх клановой пирамиды занимает малопроницаемый слой или элитная группа, консолидированная вокруг одной сильной личности, обладающей достаточным административным (властным) ресурсом, чтобы обеспечить доступ к определённым сегментам ренты и финансовых потоков.

Стержневой структурой клановой организации является центральная власть, вынужденная сохранять баланса клановых интересов¹.

Таким образом, современная клановая организация стран Центральной Азии представляет собой сложноструктурированную систему, интеграция которой по вертикали и горизонтали обусловлена разными мотивами и приоритетами. Именно в силу сложности и гетерогенности клановые сообщества находятся в динамичном состоянии, определяемом изменениями расстановки политических сил в высшем эшелоне власти, конкуренцией элитных групп с лидерами местных сообществ за влияние на «общинную массу», степенью социализации кланов.

В научной литературе встречаются попытки редуцировать клановую организацию постсоветской Азии до патрон-клиентских отношений или исключительно патриархальных сообществ, «ориентированных на родство образований» [4]. Клань как «региональную сеть» характеризует исследователь казахстанских неформальных сообществ С. Ф. Стар [7].

Эксперт католического университета Левенса Жанна Хегай, понимая под азиатскими кланами союз «нескольких семей, связанных друг с другом на основе родства», тем не менее, говорит о том, что таковые «даже если превращаются в регионально объединённые альянсы, могут существенно влиять на политические, социальные, экономические процессы в пяти странах» Центральной Азии [5, с. 8].

Наиболее продуктивной представляется точка зрения Кэтлин Коллинз, по мнению которой клановая лояльность распространяется как по горизонтали (как правило, между членами, связанными кровным родством), так и по вертикали, связывая элитные и неэлитные уровни иерархии. «Элитные чле-

¹ Особенно на первом этапе суверенизации бывших союзных республик.

ны кланов, предоставляя возможности или помощь участникам соответствующих сетей, взамен рассчитывают на их личную лояльность и уважение для того, чтобы поддержать свой статус» [5, р. 142].

КЛАНЫ И АКТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Современный политический процесс постсоветских азиатских республик, интегрирующий клановые сообщества, характеризуется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, очевидностью нерелевантности либерально-демократической перспективы, продиктованной желанием политической элиты этих стран воспроизвести западный опыт общественного развития. Весной 2018 г. Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, при обсуждении учебников, создаваемых в соответствии с проектом «Новое гуманитарное знание. 100 новых учебников на казахском языке» заявил, что Казахстан идёт к демократии по особенному пути развития. «Я с самых первых дней независимости возглавляю эту страну, оправдываю доверие народа. Сколько раз с Запада говорили: “Внедрите демократию как у нас, как в Америке, как на Западе”. Мы казахи, мы не американцы, не немцы, не англичане»².

В связи с осознанием иллюзорности «третьей волны демократии» (в терминологии С. Хантингтона), которая должна была универсализировать политическое пространство азиатских постсоветских государств, актуализировались традиционные ценности, фундирующие кровнородственные сообщества и создающие возможность использования в политической модернизации конструктивного потенциала кланов. На такую возможность, ссылаясь на движение кенийских кланов «Харамби», указывает ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова (Казахстан) Б. М. Сужиков. Он пишет: «Гуманитарии наших дней, включая зарубежных историков, пытаются каким-то образом реставрировать феномен групп, основанных на родственных связях, сделав формой социальной организации и политической жизни современности. Их схемы выстраиваются по лекалам, например, движения “Харамби” в Кении, когда кланы мобилизуют свои ресурсы для достижения определённых целей, или методом адаптации родоплеменной идентичности к современным условиям на основе “корпоративности”... В политической истории Степи действительно наличествует достаточно иллюстраций стройной правовой организации консорции и взаимовыручки в казахском обществе. Как отмечала американский исследователь казахского права XIX века Виржиния Мартин, “это был «живой» организм, состоявший из норм и процедур, формировавших понятия справедливости, ответственности, морали...»³.

² Назарбаев вспомнил о недемократичных страницах истории США // Sputnik : [сайт]. URL: <https://ru.sputniknews.kz/society/20180412/5262024/usa-nazarbaev-demokratiya.html> (дата обращения: 16.12.2019).

³ «Наблюдать пространство в бытии...» // «Республиканская газета «Казахстанская правда» :

В 2012 г. Н. Назарбаев заявил о необходимости построения в Казахстане общества Всеобщего труда как альтернативы западному обществу потребления⁴.

Невозможность укоренения либерально-демократического порядка западного образца и необходимость консервативной модернизации центрально-азиатских политических режимов обуславливалось отсутствием в постсоветской реальности его основного элемента, а именно правового пространства. Уважение к закону формировалось на Западе в неразрывной связи с формированием института частной собственности. На эту особенность формирования западной цивилизации обращали внимание ещё представители австрийской школы политэкономии [3, с. 33–34]. В отсутствии правового порядка в республиках Центральной Азии гарантом прав и свобод граждан становилась авторитарная персонифицированная власть (не противоречащая обычаям и традициям азиатских народов) и традиционные институты, в том числе и кланы, которые, особенно на начальных этапах становления независимости, в значительной мере восполняли недостаток управляемости социумов.

Казахстанский правозащитник Е. Жовтис, выступая на ежегодной конференции обществ изучения центральной Евразии (Central Eurasian Studies Society), организованной в октябре 2014 г. в Колумбийском университете в г. Нью-Йорке, сказал: «В современных обществах эволюция экономических и юридических основ частной собственности способствовала выработке представлений о личных правах и свободах. В постсоветских странах данный процесс не прижился» [1]. А другой западный эксперт М. Ларуэль заметил, что правовые институты Центральной Азии являются не самостоятельными и только «имитируют необходимый антураж легитимации квазисистемы» [6, р. 7].

К. Коллинз иллюстрирует важность кланового механизма управления социумами данными оригинального социологического исследования жителей сельской местности Киргизии и Узбекистана (табл. 1).

[сайт]. URL: <https://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/nabludat-prostranstvo-v-bitii> (дата обращения: 17.05.2020).

⁴ Назарбаев Н. Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к обществу Всеобщего труда // МИА «Казинформ»: [сайт]. URL: https://www.inform.kz/ru/social-naya-modernizaciya-kazahstana-dvadcat-shagov-k-obschestvu-vseobschego-truda_a2478336 (дата обращения: 17.05.2020).

Таблица 1 / Table 1

Мнение сельских жителей Киргизии и Узбекистана о возможных источниках помощи (% от общего числа респондентов) / Opinion of rural residents of Kyrgyzstan and Uzbekistan about possible sources of support (% of the total number of respondents)

Страны	Банки	Государственные агентства	Мечеть	Сельская община (колхоз)	Родственные, клановые сообщества
Если Вам нужна финансовая помощь, куда Вы обратитесь?					
Киргизия	1%	2%	0	4%	93%
Узбекистан	2%	3%	0	3%	92%
Когда вам нужно разрешить конфликт, куда Вы обратитесь за помощью					
	Суды				
Киргизия	0	0	0	3%	97%
Узбекистан	0	0	2%	2%	96%

Источник: Collins K. The Political Role of Clans in Central Asia // Comparative Politics. 2003. Vol. 35. № 2. P. 171–190. P. 178.

Приведённые в таблице 1 данные говорят о том, что кланы Центральной Азии остаются действенным механизмом социальной организации. Кроме того, согласно исследованиям К. Коллинз в разрешении конфликтов 97% сельских жителей в Киргизии и 96% в Узбекистане предпочитают в качестве единственного источника правового порядка поддержку со стороны собственного клана. В связи с необходимостью смены политической повестки клановой организации Центральной Азии, очевидно, намечился разлом между интересами в большей степени вестернизированной элитной верхушки и рядовыми членами традиционных сообществ.

Во-первых, в этой связи многие исследователи отмечают реинтеграцию клановых сообществ вокруг региональных лидеров, способных предложить консолидирующие идеи, лежащие даже вне легального пространства.

Во-вторых, политический процесс новых независимых государств Центральной Азии характеризуется новой динамикой и качественными трансформациями, связанными с ростом общественного самосознания и нарастанием политической активности граждан этих стран. Волна протестного движения буквально захлестнула Центральную Азию.

Общественные акции, инициируемые тяжёлым материальным положением населения, происходят с завидной периодичностью и по любому поводу. Достаточно указать на всплеск общественных выступлений, связанных с переименованием столицы Казахстана, волнения 2019 г. в узбекском Ургенче. В Киргизии и Таджикистане народное возмущение выливается в

массовые акции, спонтанно и каждый раз грозит перерасти в вооруженные конфликты⁵.

Кланы, составляющие органическую часть политической надстройки, испытывают, как и центральная власть, необходимость в социализации.

Как показывает общественная практика, существует возможность социальной мобильности клановой организации как в направлении, определяемом форматом партикулярных интересов вестернизированных элитных групп, так и потенциальной консолидации клановых сообществ вокруг общенациональной повестки. В актуализации второго варианта социальной перспективы критически важная роль принадлежит центральной власти, которая с целью самовоспроизводства вынуждена адаптироваться к условиям возросшей общественной активности и обратить усилия на презентацию повестки, способной преодолеть клановую разобщённость социумов.

Имея в виду наличие самых различных групп влияния, стремящихся обрести социально-политический статус за счёт «укоренения» в клановой организации: олигархического, экстремистского, религиозного, прозападного и т. д., перспектива кланов Центральной Азии выглядит неоднозначно.

Согласно данным казахстанского агентства «365info» (август 2019 г.), почти половина респондентов (45%) считают, что нарастание дестабилизационных процессов в стране будет продолжаться, чему способствует «высокий уровень неформальных патрон-клиентских отношений»⁶.

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ КЛАНОВ

Таким образом, динамика социально-политического процесса в постсоветских азиатских республиках неизбежно порождает их подвижность, не имеющую однозначного варианта развития.

Нарастание общественного скепсиса по поводу «проекта» вестернизации новых независимых государств актуализируется разломом клановой иерархии по линии, отделяющей элитный и «общинный» уровни. Элитные группы, находящиеся на «вершине» клановой пирамиды и использующие влияние на традиционные сообщества с целью укрепления собственного

⁵ См.: «Люди устали». Протесты в 2019 году: причины и последствия // Радио Азаттык : [сайт]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-2019-year-protests-sauses-and-consequences/30351048.html> (дата обращения 17.01.2020); Волнения в Ургенче. Что произошло? // Annor.uz. URL: <https://www.annor.uz/society/volneniya-v-urgenche-cto-proizoshlo> (дата обращения 28.07.2020); По данным генерального прокурора в Таджикистане в 2019 г. было совершено 1060 преступлений экстремистской направленности, что на 306 случаев больше, чем в 2018 г. См.: В Таджикистане за попытку организации бунтов к новым срокам приговорены 70 заключенных // Sputnik Таджикистан : [сайт]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20200127/1030607755/genprokuror-tajikistan-statistika-osuzhdennye-bunt.html> (дата обращения 27.01.2020).

⁶ Что ждёт Казахстан в ближайшие 5 лет? – эксперты // 365info.kz. URL: 365info.kz/2019/09/cto-zhdet-kazahstan-v-blizhajshie-10-let-eksperty (дата обращения: 11.12.2019)

статуса, гарантирующего доступ к административному и материальному ресурсу, пытаются «развернуть»⁷ вектор общественной мобильности кланов в теряющее популярность направление либерально-демократических трансформаций, а точнее сказать, его имитацию.

В свою очередь неизбежная социализация традиционных институтов актуализирует их конструктивный потенциал, а именно консолидации вокруг общенациональных ценностей справедливости, сохранения культурной самобытности, традиций и обычаев.

Наличие указанного «разлома» проецируется в разновекторности политического процесса стран Центральной Азии. Например, весной 2019 г. в столице Казахстана прошли две протестные акции с совершенно отличающимися социально-политическими ориентирами: выступление женщин под лозунгом «Жильё нашим детям!», призванное обратить внимание властей на жилищную проблему, усугубляющуюся по мере роста неравенства в стране, и молодёжные акции А. Тулесовой и Б. Толызбековой «От правды не убежишь», направленные на срыв избирательной кампании президента страны. По оценкам экспертов, имеется достаточно оснований полагать, что молодёжные протесты инициированы элитными группами, стремящимися реализовать собственные амбиции⁸.

Безусловно, молодёжная среда в большей степени, чем остальное гражданское сообщество, подвержена влиянию разнонаправленных политических сил, в том числе определяющих инициацию социальной мобильности кланов. О наличии разнонаправленных предпочтений молодёжи стран постсоветской Центральной Азии говорят результаты контент-анализа содержания популярных блогов (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Результаты контент-анализа тематики популярных блогов в некоторых странах Центральной Азии (%) / Results of content analysis of popular blogs topics in some Central Asian countries

Тематика	Казахстан	Киргизстан	Узбекистан	Таджикистан
Либерально-демократический порядок (как на Западе)	64%	34%	31%	18%
Хочу, чтобы в стране реально правил народ	30%	46%	37%	34%
Поддерживаю власть	6%	10%	32%	48%

⁷ В большей степени, чем другие граждане, испытавшие влияние модернизационных процессов.

⁸ Примаков Е. Нынешние протесты, интеллигенция, элиты и революция // Вести.ru. URL: vesti.ru/doc.html?id=3179585 (дата обращения: 17.08.2020).

Источник: составлено авторами по: Что могут блогеры в современном Узбекистане // Stan Radar : [сайт]. URL: stanradar.com/news/full/38713-что-могут-блогеры-в-современном—узбекистане.html (дата обращения: 17.03.2020). Методом случайной выборки на каждой из указанных сноска было выбрано по 5 популярных молодёжных блогов, имеющих массовое посещение. На основе анализа мессенджей по вопросам политической повестки страны были квалифицированы мнения респондентов.

1. Узбекистан. См.: «Юксалиш» назвал топ-30 общественных активистов // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/10/23/community-activists> (дата обращения: 24.10.2019).
2. Казахстан. См.: TOP 30 самых популярных казахстанских знаменитостей в Instagram // Pandaland : [сайт]. URL: <https://pandaland.kz/articles/semya/raznoe-i-poleznoe-270/top-30-samyh-populyarnyh-kazahstanskih-znamenitostej-v-instagram> (дата обращения: 07.06.2020).
3. Кыргызстан. См.: Топ-10 популярных кыргызстанских пользователей Instagram. Кто они // Sputnik.kg. URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20181103/1041846416/Kyrgyzstan-instagram-akkaauty-populyarnost.html> (дата обращения: 24.10.2019).
4. Таджикистан. См.: 6 перспективных таджикских блогеров, которых интересно смотреть // limu.tj URL: https://www.limu.tj/main/vseti/6_perspektivnykh_tadzhikskikh_bloggerov_kotorykh_interesno_smotret/ (дата обращения: 03.07.2019)..
5. Туркменистан – нет информации.

Разнонаправленные социальные ориентиры, демонстрируемые результатами контент-анализа, в полной мере отражают возможные векторы канализации клановой эволюции. Подтверждением вариативности такой эволюции может служить опыт общественного развития, например, Турции, в полной мере реализовавшей путь вестернизации, и Ирана, движущегося в направлении имплементации традиционных ценностей.

Вместе с тем отрыв кланов постсоветской Центральной Азии от «руководящего и направляющего» влияния элитных групп несёт в себе не только конструктивный потенциал. Разворот в сторону традиционного этоса неизбежно сопровождается ростом влияния местных религиозных родо-племенных лидеров, целеполагание политической деятельности которых далеко не всегда совпадает с общенациональными интересами. Мало того, существует опасность использования кланов местными авторитетами в нелегальных целях или сепаратистских устремлениях, ведущих к фрагментации стран.

Подтверждением сказанного может служить, например, история с выборами акима (главы района) Аксыйского района Джалл-Абадской области Киргизии, которым препятствовали представители местных «уважаемых аксакалов». Об этой ситуации 6 марта 2019 г. заявил первый вице-премьер страны Кубайтбек Боронов: «По акиму Аксыйского района очень много предложений и споров. Скажем откровенно: в том числе споры из-за племенного деления. Почему бы не говорить об этом открыто? Будем и дальше молчать? Мы должны открыто говорить о наших болячках»⁹.

⁹ Выборы акима Аксы. Правительство заявило о родо-племенном делении // Радио Азаттык : [сайт]. URL: <https://rus//azattyk.org/a/Kyrgyzstan-aksy-akim.-elektion.29808151.html> (дата обращения: 16.04.2020).

ВЫВОДЫ

Таким образом, феномен кланов сохраняет актуальность и жизнеспособность в социально-политическом процессе республик постсоветской Центральной Азии. Актуальности клановых сообществ, в том числе, способствует динамика происходящих в этих странах трансформаций, прежде всего связанных с ростом общественной активности и самосознания и проявлением нерелевантности «проектов» вестернизации новых независимых государств.

В условиях динамичных изменений социально-политической реальности постсоветских стран Азии клановая организация испытывает влияние разнонаправленных векторов эволюции, определяемых либерально-демократической и традиционно ориентированной стратегиями общественного развития.

Важнейшую роль в окончательном укоренении кланов в одном из направлений социальной динамики играет, прежде всего, способность центральной власти государств постсоветской Азии генерировать повестку национальной консолидации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кто попирает право частной собственности в центральной Азии? // За рубежом : [сайт]. URL: <https://www.zarubejom.ru/news/show/14357.html> (дата обращения: 10.01.2020).
2. Матрица постсоветской элиты // Expert Online. URL: <https://expert.ru/expert/2019/45/matritsa-postsovetskoj-elityi/> (дата обращения: 05.11.2019).
3. Мизес Людвиг фон. Социализм. Экономический и социальный анализ. Москва: Cattallaxy, 1994. 930 с.
4. Рогожина Г. А. Клиентализм в рекрутировании политических элит в Российской Федерации и постсоветских государствах Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2010. 241 с.
5. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 3. P. 137–152.
6. Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes / ed. M. Laruelle. Washington: The George Washington University. 2017. 87 p.
7. Starr S. F. Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia / Central Asia-Caucasus Institute and ilk Studies Program. Uppsala : Uppsala University, 2006. 28 p.

REFERENCES

1. [Who Tramples on Private Property Rights in Central Asia?]. In: *Za rubezhom* [Abroad]. Available at: <https://www.zarubejom.ru/news/show/14357.html> (accessed: 10.01.2020).
2. [The matrix of the post-Soviet elite]. In: *Expert Online*. Available at: <https://expert.ru/expert/2019/45/matritsa-postsovetskoj-elityi/> (accessed: 11.05.2019).
3. Ludwig von Mises. Socialism (Russ. ed.: *Sotsializm. Ekonomicheskii i sotsial'nii analiz*. Moscow, Cattallaxy Publ., 1994. 930 p.).

4. Rogozhina G. A. *Klientalizm v rekrutirovanii politicheskikh elit v Rossiiskoi Federatsii i postsovetskikh gosudarstvakh Tsentral'noi Azii : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Clientelism in recruiting political elites in the Russian Federation and the post-Soviet states of Central Asia : abstract of PhD thesis in Political sciences]. Moscow, 2010. 241 p.
5. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia. In: *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 3, pp. 137–152.
6. Laruelle M. ed. *Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes*. Washington, The George Washington University Publ., 2017. 87 p.
7. Starr S. F. *Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia / Central Asia-Caucasus Institute and ilk Studies Program*. Uppsala, Uppsala University Publ., 2006. 28 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 07.07.2020

Статья размещена на сайте: 22.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: korrka@mail.ru

Рекк Дмитрий Александрович – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: 100100200@bk.ru

Vladimir G. Egorov – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Economics), Prof., Departmental Head, Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: korrka@mail.ru

Dmitrii A. Rekk – Postgraduate Student, Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: 100100200@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Egorov V. G., Rekk D. A. Clans in the current political process of the post-soviet countries of Central Asia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.